

Парфентьев П. Эхо Благой Вести: Христианские мотивы в творчестве Дж. Р. Р. Толкина. — М.: ТТТ; ТО СПб, 2004. — 322 с.

Эта книга вышла давно — на пару с исследованием М. Хукера «Толкин русскими глазами» она была издана в первой половине 2000-х неформальным творческим объединением Tolkien Text Translations в содружестве с Толкиновским Обществом Санкт-Петербурга. Как и работа Хукера, она прошла относительно незамеченной, хотя, бесспорно, представляет интерес, и не только для прямых поклонников Толкина и его творчества. Автор, Павел Парфентьев, тоже достаточно необычная фигура — историк Церкви и русский католик, член братства Рыцарей Святого Креста Господня и один из основателей уже упомянутого Толкиновского Общества Санкт-Петербурга. Казалось бы, подобные обстоятельства должны указывать на несколько догматический характер его подхода к Толкину. Однако «Эхо Благой Вести» написано просто и читается легко; автор с предметом своего рассмотрения обращается предельно корректно, внимательно и подробно анализирует все, отвечающее заявленной им теме. Более того, эта книга беспрецедентна во многом как раз благодаря четкой позиции П. Парфентьева по вопросам веры. Парадокс, но Толкин, безусловно христианский автор, вызвал и продолжает вызывать целую лавину исследований, в которых его христианство превращается в такого слона в посудной лавке, которого не примечают — т. е., все, конечно, о нем знают, но обходят фактически стороной, приводя лишь некие биографические сведения или пересказывая общие места, приправленные анекдотическими деталями, вроде спора о том, считать ли эльфийские дорожные хлебцы аналогом Св. Причастия и отражается ли в образе Галадриэль образ Девы Марии.

То, как избегают христианства Толкина, примечательно само по себе и заслуживает отдельного исследования. Но «Эхо Благой Вести» важно еще и потому, что впервые позволяет человеку, знакомому с христианской верой понаслышке, поверхностно, наконец-то начать вникать в сложные, изящные, а порой и весьма суровые повороты мысли этой традиции. Т. о., книга П. Парфентьева выполняет две задачи сразу — она дает нам, во-первых, великолепную и очень стройную картину толкиновской жизни и творчества в христианском свете, во-вторых же, она позволяет тем читателям, которым по ряду причин может быть труден доступ к теологии в чистом виде, приблизиться опосредованно, через Толкина, к пониманию христианства и его постулатов. В книге часто цитируются отцы Церкви и ведущие авторитеты христианской мысли, от бл. Августина и Фомы Аквинского до Э. Жильсона и папы Иоанна Павла II.

Структурно книга очень отчетлива; тематические разделы вбирают в себя все значимые моменты становления Толкина как человека, ученого, художника, верующего. Разбирая творчество Толкина, автор последовательно освещает самые трудные и существенные моменты его уникальной мифологии в их нерасторжимой связи с христианским учением: творение и мироустройство, свобода и ответственность, добро и зло, героизм и смирение. Парфентьев в чем-то соглашается, а в чем-то полемизирует с другими знаменитыми исследователями Толкина, например, проф. Томом Шиппи, приводя свои соображения по вопросам, игравшим в их работах ведущую роль, —

о природе власти, о творчестве и соблазне вмешательства в естественный порядок бытия, о явной и скрытой теологии в текстах Толкина, о проблеме «добродетельного язычества». Вообще, разделы, посвященные сопоставлению естественных и сверхъестественных добродетелей в поведении персонажей Толкина, представляются одними из наиболее интересных в «Эхе Благой Вести», и с точки зрения христианской антропологии, и с позиций толкиноведения.

Конечно, не со всеми вывода автора легко согласиться. Самый спорный, возможно, момент во всей его книге — это полемика о том, считать ли людей в онтологии мира Толкина тоже изначально бессмертными, как и эльфы. Здесь П. Парфентьев слишком уж полагается на апокрифические, побочные разработки Толкина, которые ни он сам, ни его сын Кристофер, завершивший дело отца, не решились, между прочим, вставить в официальный корпус преданий о Средиземье. Толкин избегал очевидных аллюзий с христианством в своей работе — что, наверное, отчасти поспособствовало раскрепощению в данном вопросе его исследователей, принявших деликатность Толкина за уклончивость и необязательность, дающие им самим право избегать, а то и игнорировать христианскую подоплеку его произведений. Парфентьев, в пику им, становится воплощением обратной тенденции, но тем самым неоправданно преувеличивает присутствие «явной теологии» в легендарии Толкина. И тут, кажется, чуть ли не единственный раз ему изменяет его прежняя исследовательская добросовестность. Он мало и с неохотой ссылается на хорошо известные места из «Сильмариллиона», где ясно и недвусмысленно говорится о смертности людей как сути их природы («экзистенциализм» Толкина), взамен же часто и обильно цитирует апокрифы, чрезвычайно интересные философски, где развиваются противоположные идеи — но при том на их полях самим Толкином порой подписано «слишком напоминает христианство». Понятно, почему Парфентьев так поступает: все-таки он не может отступить от догм своего вероисповедания, а те гласят, что человек был сотворен бессмертным, а затем лишился благодати вечной жизни через грехопадение. Один диссонанс неизбежно влечет за собой другой, и далее во всем разделе, посвященном этой теме, Парфентьев теряет то трудное и изящное равновесие, которое соблюдают произведения Толкина. То он пытается выставить эльфов созданиями падшими, как и люди, то слишком сближает людей с ними, напротив, со стороны благодати, вплоть до неразличимости, в то время как гармония вымысла Толкина базируется на отчетливом противопоставлении бессмертных эльфов и смертных людей. И те, и другие дети Творца, но получили от него совершенно разные дары. Дезавуируя это жесткое разграничение, Парфентьев начинает педализировать знакомые христианские лейтмотивы, призванные удержать Толкина в рамках догматов: смертность и болезни как следствие падения, греха, нечестивости; единственность тела и необходимость его вечности; и т. п. Ничего подобного, да еще и в столь радикальной, прописной форме у Толкина не найти.

Тем не менее, невзирая на такие в чем-то неизбежные ошибки, «Эхо Благой Вести» остается замечательным, полным и действительно беспрецедентным на сегодняшний день исследованием основ творчества Толкина. Можно с чистым сердцем рекомендовать его к прочтению всем тем, кто интересуется затронутыми в ней темами.

Розин В. От анализа художественных произведений к уяснению сущности искусства. М.: Голос, 2022. — 261 с.

Представленная читателю книга составлена из уже опубликованных отдельных статей автора. Уясняя природу искусства, он опирался на собственные исследования генезиса и особенностей искусства, наиболее полно изложенные в книге «Природа и генезис европейского искусства»¹. Кроме того, автор полемизирует с известной книгой Л. Выготского «Психология искусства». Выготский, уясняя сущность искусства, шел от структуралистского анализа формы художественного произведения, реконструируя за ней «эстетическую реакцию», которую он понимал в естественно-научном ключе. Автор же считает, что эстетическая реакция — это скорее плод методологических установок Выготского, чем характеристики природы искусства как феномена. Розин признает, что и его концепция искусства — результат реализации определенных методологических установок. При этом надеется, что, помимо этих установок, на его концепцию не меньшее влияние оказали исследования искусства других авторов, а также эмпирические знания по поводу искусства, позволяющие удерживать в сознании уникальный феномен искусства (искусство как «индивид», как целое).

На взгляд автора, чтобы задать искусство как целое, нужно рассматривать, во-первых, *художественную коммуникацию* (возможно, и более широко, анализируя, каким образом она входит в сферу жизни человека в искусстве и определяет ее), во-вторых, *художественную реальность*. В свою очередь, художественная реальность существенно обусловлена творчеством художника (писателя, композитора, режиссера и пр.), создающего художественные произведения, пониманием и работой зрителя (читателя, слушателя и т. д.), рефлексией и нормированием искусства (концепциями искусства и их влиянием), особенностями художественного языка в широком понимании (художественного семиозиса). В этом отношении он последователь Михаила Бахтина, утверждавшего, что особенностью гуманитарного подхода выступают представления, в соответствии с которыми исследователь имеет дело не с одним духом, а двумя, с анализом текстов, за которыми стоит неповторимая личность, с уникальными феноменами (индивидами), но и достаточно строгой наукой.

В книге четыре основные части. В первой предлагается анализ четырех современных художественных произведений («Дети мои» Г. Яхиной, «Циклопедия» Р. Негарестани, «Фонтанелла» М. Шалева и сериала «Удивительная миссис Мэйзел»). Романы выбраны исходя из проблем понимания и возможности выявить некоторые особенности реальности современных художественных произведений. Переходом к обсуждению сущности и природы искусства служит вторая часть — обсуждение феномена музыки. Музыка здесь рассматривается в плане как особенностей художественной коммуникации, так и художественной реальности. Третья часть — полемика с концепцией «Психологии искусства» Л. С. Выготского, переходящая в изложение авторской концепции искусства как формы жизни. Четвертая часть — приложения, включающие учение о реальностях и обсуждение особенностей современного искусства.

¹ Розин В. М. Природа и генезис европейского искусства (философский и культурно-исторический анализ). — М.: Голос, 2011. — 397 с.

Неретина С. «Земля гудит метафорой». Философия и литература. — М.: Голос, 2022. — 604 с.

Это второй том книги, посвященной сопоставлению философских и литературных произведений: первый был посвящен теме соотношения западноевропейской философии и литературы и назывался «"Ни одно слово не лучше другого". Философия и литература». Это название и «Земля гудит метафорой» — две строки из стихотворения О. Мандельштама «Нашедший подкову». Пиндарический отрывок у Мандельштама делится надвое, представляя в одном случае Европу, в другом — Россию в их единстве и различии. Анализ западноевропейских произведений разного времени и российских (М. Лермонтов, И. Тургенев, Ф. Достоевский, А. Чехов, М. Горький, А. Богданов, А. Платонов, В. Шаламов, Б. Окуджава, В. Рабинович) реально касается философско-литературной истории модерна, накладывая на нее сетку постмодерна с его предьявлениями повторов, семантических сбоев, фрагментарности, эволюционистского взгляда на революцию, на которую было ориентировано Новое время. Благодаря такому наложению обнаружился такой парадокс: идея прогресса, проложившая себе дорогу в Новое время и внешне напоминавшая эволюционный процесс, на деле оказалась прибежищем внутренне революционной мысли. Это и означает рождение того метафорического гула бытия или шума времени, о чем идет речь в книге.

Книга состоит из Введения, тринадцати глав и Заключения. В гл. 1, помимо анализа искусства В. Вейдле, Н. Бердяевым и Э. Жильсоном, ставится проблема грамматики как начала, рассматриваются тропизмы Л. Липавского и С. Кржижановского. В гл. 2 даются разные разрешения Лермонтовым одного сюжета, основанные на сопоставлении «Маскарада» и «Арбенина»; в связи с особой актуальностью вопросов о самосознании, чести, подлости, войны и мира анализу подвергается роман Дж. Литтелла «Благоволительницы». Тема тропологии специально прослеживается в «Разговоре о Данте» Мандельштама.

Для философов, филологов и всех интересующихся философией, теорией и историей культуры.